

П Р О З А

Петр Янданэ

Одиночество

Мрачная повесть

"Бескрылый дух, землею полоненный..."

В.Соловьев

летал над греческою землей."

М.Лермонтов

Кто-то резко распахнул дверь - и меня с силой вышвырнуло в другую комнату: я пронесся через всю ее длину и чуть не вылетел в открытое окно. Дверь тут-же захлопнулась. "Ого, - сбивенно подумал я, - можно было бы и полегче..." За окном был новый солнечный день, земля просыхала после долгих дождей, дети вовсю бегали по склону улицы, весело чирикали воробы. Я медленно приходил в себя, глядя в окно.

"Наверное, уже обед..."

За дверью стояла суeta от множества народа, был слышен громкий плач матери, переходивший в рыдание, тихонько подыгрывала бабушка. Страшно болела голова. "У-у... как же я вчера сильно напился..." Я прислушался: кажется собралась вся родня - кто-то даже приехал из района, были несколько соседей и кто-то незнакомый.

"Черт побери", - чертыхнулся я, - неужели я вчера что-то натворил?..

И это было бы неудивительно: в последнее время я растерял всех последних друзей, разругался с родителями, нигде не работал, потому что жизнь моя дошла до точки и потому что трещина прошла через мое сердце. Любимая мне отказалась, и в довершение всего - позавчера на заседании литобъединения мне отказали в публикации моих первых стихов, и я поэтому впервые в жизни напился вчера до полусмерти...

Всё смешалось в моем доме: днем я спал, а ночью читал и писал книжки. Время как будто нарушило свой ход: вот и сейчас - на календаре висит 16-е, а вроде вчера еще было 13-е... Неустроенный, нервный и озлобленный чужим непониманием, я и в самом деле мог спьяну чего-нибудь натворить... Но что? Может, я кого-нибудь убил, сломал что-нибудь ценное? - но несмотря на вчерашнее отчаяние я вряд ли мог даже пьяным покуситься на чу-

жую жизнь, и мать сейчас похоже плакала на миллион...

"И ведь положительно ничего не помню!"

Голова раскалывалась от мучительной боли. Задумчиво глядя в потолок, я прошелся по комнате, стараясь по частям вспомнить вчерашний день. Та-ак, вчера, я, конечно, напился до... до чертиков - как говорят культурные люди... с кем-то, наверное, даже подрался - иначе бы так не ломило висок. Так. Так... Но как же это трудно и горько - с похмелья, по утру - вспоминать вчерашний день!..

Нет, я уже занимаюсь ерундой: ничего не зная, сижу здесь как дурак, гадая о том, о сем, а в той комнате творится что-то непонятное.... и все решили обойтись без меня... Конечно, я давно уже привык к положению урода в семье, с которым никто не считается - ни где толком неработающий и занимающийся непонятными делами, я навлек на себя общее осуждение родни: строгий учений дядя заявлялся к нам домой и долбил меня горехом своих назиданий, - теперь он молча сидел где-то у самой двери и только громко вздыхал. Интересно, что же я такого наделал - если даже он так неожиданно замолк? Так долго оставаться в неведеньи было уже невыносимо - надо бы выйти, посмотреть: собралась такая толпа народу, совершилось определенно что-то ужасное - и, судя по часто упоминаемому моему имени, в этом был виновен я...

Привести бы себя в порядок... А! - плевать! Мне давно уже на все плевать. Смотреть на свою пьяную рожу мне не хотелось, я прошел мимо занавешенного зеркала и приблизился к двери. Ладно, будь, что будет! И немного помялся у приоткрытой двери - и вышел.

Никто не обратил на меня внимания. Я, оглядев всех, негромко поздоровался - никто не ответил мне и даже не обернулся.

- Очень приятно... - оскорбившись, подумал я, - ну ладно...*

Все сидели и стояли кружком, насущленные и сердитые, и смотрели на что-то внизу. Я молча подошел поближе и, заглянув вовнутрь круга, увидел себя...

* * * * * !!!

Волосы мои встали дыбом. Я лежал в гробу, одетый в чужой костюм, неправдоподобно белый - глаза мои были закрыты, а руки сложены на груди, как у покойника...

Что это такое? Что за кошмар?!

Я закричал благим матом - но, как во сне ничего не было скрывно. (Минутку... Спокойно... Сейчас разберемся... Вчера ты напился, попал в какую-то подозрительную компанию... Возможно, курнул анаши... Сейчас ты где? Дома... лежишь в своей постели.. Стоп! Радостно ухватившись за спасительное слово "сон", я сделал мучительное усилие проснуться - и уже мысленно бросился к столу, чтобы быстрее записать, пока не забылось такую удивительную находку... но коммар не рассеивался... Оставив себя в гробу, я метнулся с вопросом к брату, но он, не глядя на меня, прошел мимо. Ужас сгущался. Я растерянно замер на месте - одушевленный похмельем как не бывало, меня словно окатили водой. Пока я так осталбенело стоял, подо мной вдруг прошла бабушка... Я сшарашенно смотрел на ее сгорбленную спину, стараясь понять, что же это такое - потом шум пронзенный дикой мыслью, бросился в поисках зеркала. Все зеркала были занавешены, я подскочил к серванту, просунул голову между рамок - и ничего не увидел... Нени не было.

Убитый, я медленно отошел прочь. Что же это такое, если не сон? Я мыслю, а следовательно, существую... Но где же мое тело? Черт! Я уже забыл про себя, лежащего в гробу!.. Так это, значит, я там лежу, а мое сознание находится здесь... Или, наоборот, - там лежит мое тело, а я сам, то есть мой дух, находится здесь... Так выходит, я умер?! Да - как это ни странно, но я в самом деле умер и сейчас поэтому лежу в гробу - вот си, а вокруг меня собрались на похороны родственники, и они сейчас не видят меня и не подозревают о моем существовании... Вот это да! Так вот как, оказывается, умирают! Здорово.

Халко, конечно, - я снова глянул на свое тело, мирно лежащее в гробу, - но в сущности-то ведь ничего не изменилось: я есть, я продолжаю существовать, я все вижу и понимаю - а это *и* самое главное. Так сказать, водка без бутылки. Но-моему, причин унывать нет. Я благодушно посмотрел на родственников - как-то было странно видеть на их лицах печаль и даже слезы, когда я сам сейчас нахожусь в таком приподнятом настроении: с чего бы им тут лить слезы обо мне, нелюбимом и никчемном, когда я сам так легко принимаю свою кончину?.. Никогда и ни с кем не разговаривая по душам, по целым неделям не общавшийся ни с кем, разве я сейчас стал более закрыт? Даже наоборот - никогда вскругу

меня не собиралось столько народу... Храня глубоко в себе все мысли, чувства, молча переживая и беды свои и радости, и любовь, я привык жить один. Это было трудно и порой невыносимо, но несмотря ни на что, как я любил свое одиночество! И, наверное, ни на что другое не променял бы свою жизнь среди книг и рукописей!... Моя безысходная замкнутость теперь только стала безвозвратной. Какой-либо качественной перемены не произошло. Так что, дорогие дамы и господа, Петя вам всем показал... нос — если выражаться языком, принятым в литературе! Эх, если бы знал, что такое возможно, то, наверное, давно бы покончил со своим бессмысленным для всех телесным существованием, напрасно не мучая себя и не надоедая другим. Не лучше ли сразу и окончательно остаться не у дел?! И чего это несчастные люди понапрасну мучаются, мучаются, и только не выдержав, со страхом и ужасом вины — бросаются в самоубийство, когда в результате на самом деле получают и избавление от всех бед и безграничный покой бестелесного существования?.. Правда им, в отличие от меня, есть что терять... И чего это мне тоже надо было всю жизнь сдерживаться, боясь нарушить всемирную гармонию и пнуть — выступить, наконец, на свободу пленный дух! Да и плевал я на слезы всех родных и близких — сами не знают, над чем плачут! Пойти послушать, что сини сейчас обо мне говорят?

Та-ак, а от чего же это я все-таки умер? Красная борозда на левом виске... Ага, значит, все-таки расколол башку, там у калитка, когда, помнится, падал ночь, подскользнувшись на мокром тротуаре... А я-то думал — чего это у меня трещит голова! Но обо что же это я? Ну да — железный штырь, торчавший из одной доски: никто не думал его полностью забить — и вот зато теперь он был забит в мою пьяную голову!.. Та-ак, значит я сразу кончился, после охов и ахов меня отвезли в морг, потом обратись, уже положили во гроб — а я ничего этого не видел, не чувствовал, не знал?.. Как странно звучит этот вопрос в устах умершего! Но все-таки, если смерть предполагает такое размышление, то, значит, все эти три бесчувственные дня — с 13-го по 16-е — и была настоящая смерть, которую так боятся люди? Слава Богу, все обошлось... Знают, смерть тела оглушает сознание, и сно лишь через некоторое время вылетает наружу? Та самая наша душа... Черт побери, как это пахнет религией! Но где же

трубы? Где ангели-спасители? И где хетя бы маленький рай? Всё то же, то же... И нет никакого Бога, как нас и учили в школе, и существуют только одни люди: люди рождаются, живут и умирают между людей... Всё создано человеком и всё создано для человека... Человек создал труд и, закончив его, возвращается из земли, набитую человеческой плотью и вновь по закону эволюции возрождается из старого говна, чтобы снова и снова пережевывать пережитое...

"Идет ветер к югу и приходит к северу... (откуда это?), кружится, кружится на ходу своем (как курица с отрубленной головой), и возвращается ветер на круги своя... и... и - нет ничего нового под солнцем!" - разве что вот это моё открытие... Хи!

Постепенно душа приходит, так сказать, в себя, в какой-то момент отделившись от тела - и некоторое время еще витает над авиаматкой, не совсем потеряв материальные свойства. В таком-то вот состоянии, когда кто-то распахнул дверь, меня и вышвырнуло создавшимся сквозняком из душной комнаты - это я сразу понял: что меня именно вышвырнуло! Но не совсем еще расставшись с привычными ощущениями, я продолжал чувствовать боль в несуществующей голове, ходить и совать ее куда попало.

Весь отдавшийся своим догадкам и осознанию нового положения, я стал задумчиво ходить, если так можно выразиться, по комнатам. Не обращая внимания на скружающую суету и не боясь никого задеть, я стал постепенно привыкать к необычному чувству ампутированности всего тела.. Я мог, оказывается проникать через любую щель и находиться в любом малом пространстве: я с восторгом пробегал по верхам книг на своих полках, залазил в бутылку, гулял по лесу цветов, проходил туннелем макаронин, залазил в чужой рот (у тетки, кстати, вверху золотой зуб)... Еще я мог проникать в свою собственную голову: оказываясь в ее родной темноте, я, затаясь, слушал изнутри далекие, чужие голоса...

Ах, да-а - моя семья... Это была первая смерть в нашей семье - не знающие смерти близкого родственника, многого в жизни не знает - и теперь, когда сна настигла нашу семью, должно открыться что-то новое...

Мать страшно плачет... гладит мои руки, лицо... Красными, мокрыми глазами смотрит на меня... разговаривает со мной, называя ласковыми именами, которые я, помнится, слышал только в детстве, - смотрит и не знает, что меня там нет... что я здесь - у ее левого плеча... Вечное материнское горе! Ох, поскорее бы в могилу, да чтобы и память поскорее исчезла обо мне из чужого сознания, ведь никто же не может отвечать за то, что породит когда-то давним-давно, да и какое отношение может иметь моя трагедия к чужому понятию о счастье? Отец, строгое насупившись, как всегда в таких случаях - молчаливый и терпеливый... Плачущая бабушка - может быть, и сама накануне своих похорон... Родной дядя, немогущий поругать меня за последнюю выходку... А вот и мой братец! Ты гляди, какой он понурый, печальный... даже в одном глазу слезинка! А у самого внутри радостная мысль - библиотека достанется ему! А вот и второй... Ну, он никогда не любил меня - я бы и сам на его похоронах сидел бы с таким лицом... Бывало, мы с ним не разговаривали по целым дням - вот и теперь он молча проходит мимо меня... Дальние родственники... Соседи, незнакомые... Что им Гекуба? Чужие дети... Я-то, слава богу, ничего не оставляю после себя на земле - всё свой унесу с собой!

А-а, как интересно слушать, что о тебе говорят, когда все думают, что тебя самого уже нет ни здесь, ни там - и вообще нигде! Как приятно вдруг услышать себе незаслуженные похвали, узнавать то, с чем раньше не подозревал! Нет, положительно - я лучше выдумать не мог! Как это здорово - заглядывать каждому в лицо, прямо изо рта ловкие слова... Бесподобное кино! Ну, конечно, ничего иного и не следовало ожидать - ни мне, да и вообще никому из живущих: всё пошло, глупо и некрасиво. Люди не умеют и не дают друг другу жить, портят и так уж нищенские дары жизни - и так же неумело спровождают на тот... Нет! того света не было - я уже в этом убедился: жизнь была односторонней, как лист Мёбиуса, и человек вынужден безысходно ползать по ней до бесконечности... Хуже и не придумаешь!

Ну ладно уж, не нам выбирать. Постепенно мне надоел этот стриптиз, я бросил последний взгляд на бесконечно знакомое лицо, впервые сегодня увиденное со стороны, как новый страшный

автопортрет, снисходительно оглядел собравшихся - и вышел вон: кто-то за меня хлопнул дверью. Денек был замечательный, и я решил съездить в город - прогуляться. Да, черт побери! - в сущности ничего не изменилось!

Я бодро двинулся к остановке автобуса - едва откинув кончины, я уже вовсю наслаждался свободой, весело поглядывая по сторонам. Куда же ехать? И тут я вспомнил о своей любимой: она ведь еще не знает, что я умер. Вот будет сюрприз! Она же отказалась от любви, а стало быть, и в жизни - и вот я умер: не только для нее, но и вообще. Мои друзья по литеобъединению, которые вышли со мной, как раз направлялись к ней, только что убедившись своими глазами в моей кончине - и я сел в автобус вместе с ними. Неостривно глядя в упор в их лица, я старался разглядеть в них хоть что-нибудь соответствующее трагической ситуации - но они спокойно болтали всю дорогу с тем, о сем и даже смеялись, ничем не отличаясь от других пассажиров. Иногда они прохаживались и обо мне, и я тогда сильно жалел: ах, если бы у меня был кулак!

Наконец, мы у нее. Вот ей сказали... Она прошептала: "Да?" - быстро-быстро заморгала удивленными глазами - и заплакала. Отвернувшись, закрыла лицо ладонями и быстрым шагом пошла в свою комнату. Мои вестники, сделав свое дело, удалились. Она сидела на диване, уткнув локти в колени. Потом отняла руки - и долго-долго красными глазами смотрела на меня... Встала, походила по комнате, подошла к окну и, вытирая глаза платочком, смотрела на улицу. Она любила меня!... Не никогда бы, все равно, не вышла за меня замуж, ибо была благоразумнее меня... Я так ее ни разу и не поцеловал... и даже, как сейчас, не подступал ближе чем на полметра... Я не умел за ней ухаживать, а только даже, наоборот, постоянно обижал ее - и как-то раз "на всю жизнь"... Господи, как ненадолго! Но ведь в сущности никакого горя не могло быть! Уж я-то теперь знаю!

Печальная и бледная, она поехала со мной ко мне домой - туда, где еще ни разу не была... Ну вот, кажется и мои похороны - мы успели как раз во время: меня уже выносили из ворот (как все-таки странно говорить о себе как о ком-то постороннем!). Позади шел оркестр, была уйма народу, как будто хорони-

ли народного поэта - из братьев-писателей я едва насчитал трех человек, но похоже меня помнили и ценили в других кругах: здесь, в кружке незнакомых людей, стоял местный маститый писатель, которому я как-то давал почитать один свой рассказик. Ам, - это хороший знак, хея... давно уже поздно, леди и джентльмены: Честя уже разучился писать, его теперь разбирает одно только любопытство! Толпа двинулась вверх по дороге под знакомую музыку - которой мне самому сейчас не дано услышать... то есть я уже начинаю заговариваться!

Мы стояли недалеко на пригорке вместе с другими такими же любопытными и созерцали всю эту необыкновенную картину. Как я был красив в этом черном, без единой пылинки, костюме - ни разу не надеванном и прямо из магазина отправляющемся в землю! Я всегда хотел надеть такой когда-нибудь на свою свадьбу... которой уже определенно не будет никогда... Каждый человек совершает в жизни три великих дела: рождается, женится (чтобы в свою очередь родить) и - умирает... И в каждом случае - свой наряд, и всегда - вышивка. Как жаль, что я смог выполнить только два - так и не сумев жениться на своей любимой... Вот я поднимаюсь в гору, ботинки ярко начищенные, сверкнули на солнце, белая рубашка показалась из-за головы... а я лежу себе недвижимый - не успел...

"Не правда ли, малко?" - спросил я ее. Она ничего не ответила.

Иди в самом конце процессии, мы подошли к кладбищу. Вот и моя могила. Я заглянул в нее - глубокая. И здесь мне теперь жить и истлевать, как последнему мусору?.. Место мне не понравилось.

Писатель толкнул маленькую речь, неуверенно что-то говоря о моем вкладе... Ну вот и клади меня в землю! Было скучно и досадно. Некоторые неторопливо потягивались стоя на чужих могилах - людям хотелось домой.

Она стояла вдалеке одна, на каком-то бугорке в своем синеньком платье и нестрывно смотрела на гроб. Переступая с ноги на ногу, она ждала... Когда гроб исчез в могиле, она громко заплакала, отвернулась и медленно пошла прочь... А я остался до конца.

Всё не так я представлял свое погребение! Мне раньше

казалось, что могилу медленно и скорбно засыпают, ну пусть не руками, а лопатами — но все-таки с чувством величия рокового момента! Всё-таки живого человека — и в землю! А тут — четверо пьяниц, покривив друг на друга, быстро-быстро закидывали мой гроб, как какую-то падаль в мусорной яме! Как бы присев на корточки, я у самого края могилы печально наблюдал, как постепенно увеличивается слой земли между мной и моим телом.

Наконец, яма сравнялась с землей, сверху набросали холмик — и могильщики выпрямили спинн. Как пусто вдруг стало на земле! Кино кончилось, и люди стали расходиться. Осталось один, я туда уставился на свой холмик. Господи! У меня же теперь ничего не осталось! — хоть пронесись сейчас над всей землей, загляни во все её уголки — ничего не найдешь! Как будто скрылось солнце... Да! Солнце моей жизни закатилось насовсем, и теперь для меня наступила вечная ночь — когда бесполезно сжидать восхода... Единственное, что у меня было — мое тело — теперь навсегда было отнято от меня. Только сейчас поняв, что я потерял, я в растерянности продолжал стоять над могилой, не зная, что мне делать и куда пойти, если в конечном счете я уже вышел и притом навсегда...

Обессиленный такими безутешными мыслями, я рухнул прямо на могилу... и вдруг совершенно свободно прошел двухметровый слой земли и уткнулся в свое тело! Несмного обрадованный такой милостью судьбы, я вполз в череп и надолго задумался. Делать было нечего — я лишился всего, что имел, мне больше нечего делать на земле, там ничего моего нет — мне теперь остается только вот так вечно уныло и нудно сидеть в сырой земле...

Не знаю, сколько я так просидел там в теске, может, ночь, а, может, целый месяц. Но однажды, выйдя вместе с фосфорисирующими огоньками из могилы и беспомощно мотаясь у нее туда-сюда, я взглянул на огни ночного города — и вспомнил, что у меня еще там осталась одна — единственная привязанность. Любимая! — и я тут же цулей бросился к ней. Как в нарезях ствола проворчавшись в лестничном пролете, я через замочную скважину вихрем ворвался в ее квартиру.

Она была дома. Видно, давно уже успокоившись, но с тайной грустью на лице, она ходила из комнаты в комнату, брала

книги, включала телевизор. Я с восхищением, страстным вниманием смотрел ей прямо в лицо, я бросался за ней по пятам, я следил, какую книгу сна возьмет, чему улыбнется и что прошептет про себя - как будто ждал, ждал, когда сна обратит на меня свое внимание... Но сна не замечала меня и не чувствовала! Со спокойным взором на лице сна шла прямо на меня, проходила через, захлопывала в дверях, садилась на меня сверху, проглатывала меня с часом - и ничего не чувствовала!!! Всё было бесполезно! От досады, от отчаяния и безысходности положения я кусал себе губы в кровь, ломал руки, бился головой о стены... то есть я ничего не делал и не мог поделать!

Растерянный я, наконец, остановился посреди комнаты. Оставался только один выход, только один! Ждать... Ждать, когда и сна погрет, и когда ее освободившаяся душа, покинув легонькое тело, выскочит прямо в мои объятия! Она должна была умереть молсдой.

Итак, боясь упустить желанный момент, я стал следовать за ней по пятам. Я бывал всюду, куда бы она ни пошла: я ходил вместе с ней по магазинам, и по всем ее глупым подругам, я терпеливо дожидался конца ее рабочего дня, сидя под потолком в комнатке, где сна отстукивала свой заработок на пишущей машинке. Не было следователя дотошнее, чем я! - я был с ней даже в туалете, где сна тихенько посапывала сидя на корточках, я ложился вместе с ней спать - сна запахивала меня одеялом и я всю ночь слушал ее сердце...

Я был с ней всюду - мне показалось, что лучше будет быть с ней совсем неразлучным, и постоянник находился у нее во рту, с замиранием сердца чувствуя, как ее губы иногда неслышно прошептывают мое имя... Я был с ней всюду, я ждал! И, конечно же, дождался...

Нас задавили вместе. Машина выскочила из-за угла - я всегда говорил ей ранние подушуты, чтобы она не летала по улицам в своих мечтах и получше смотрела по сторонам: "Ведь ты же не птица..." - она только успела взмахнуть рукой и охнуть - сумочка тут же отлетела в сторону...

Когда машина промчалась, всё уже было сделано: огромное колесо самосвала проехалось прямо через ее лицо, раздавив его в лепешку. Шофер даже не притормозил, а, струсиив, погнал на

всей скорости дальше — если бы он видел, что натворил! Ее голова лопнула с левой стороны, мозг выскочил куда-то вбок — внутри была кровавая пустота, глаза были совсем закрыты, а через всё расширявшееся лицо ровными рядами или грязные квадратики от шинн...

Терпеливо дождались, когда подбежавшие со всех сторон люди наговорятся и наужасаются и, наконец, положат ее в машину бесполезной скорой помощи, — я, усевшись рядомком, как добросовестная сиделка, поехал вместе с нею в морг.

В морге я никогда не был... то есть уже был... ну,, в общем, это не важно. Кругом на кафельных ванночках столах под кровавыми простынями лежали трупы. Я всю ночь просидел с нею под простыней, боясь высунуть нос до самого утра, когда началось вскрытие.

Тогда я впервые увидел ее тело. Это было необыкновенно. Но еще необыкновенней было потом, когда прозекторы, наточив ножи, стали разделять ее тело... Вот случай, когда можно воочию убедиться, что любимая далеко не ангел... Давно уже умерев, я видел и свои похороны, и могилу, но так и не увидел своей смерти, а, значит, и ничего подобного, что сейчас передо мной происходило. Но не в этом суть.

Когда ее тело, зашитое толстой ниткой, и одетое в нелепый белый сарафан, внесли домой, голова ее была уже восстановлена, но если у мертвых вообще меняются лица, то ее лицо было невозможно узнать. Родственники были вне себя от горя, каждое открывание лица сопровождалось новыми взрывами плача, — а мне было все равно: я полюбил ее не за лицо, а за душу. Сама она на лицо была такая простенькая! — одна из тех, кого никогда не приглашают на танец; душа же сквозила во всех ее членах и пальчиках, радостно открытых глазах, во всем ее существе, и казалось, что она не ходит, а парит над землей, едва касаясь ее кончиками легких ножек.

И эту-то душу, которую мне сейчас предстояло узреть, я и полюбил со всей страстью и отчаянием, ибо она была совершенно противоположной моей: ее душу можно было сравнить с синим воздушным шариком, мою же — с черной двухрудовой гирей... К тому же я теперь знал, в чем состоит настоящая сущность человека — и теперь, несмотря на уже знакомую суetu, деловито,

со знанием дела, сидел у ее плеча и спать ждал...

Наконец, кажется, что-то встрепенулось, всколыхнулось совсем рядом, шворкнуло мимо меня, обдав легким дуновением — и исчезло... Я тут же бросился следом... но ничего не мог уловить и опутить!.. Я хотел крикнуть, я метался по комнате — не было уголка, где бы я не побывал, я возвращался к телу — но нигде ничего не было. Обессилен, я остановился, все еще сизирясь по сторонам, как будто мог еще что-нибудь увидеть — и вдруг страшная догадка пронеслась во мне!!! Неужто и мертвые сами не видят друг друга?! Так что же это такое? Неужели полное одиночество? Но мне и так его хватало при жизни! Оставалась последняя надежда — и она теперь отнята у меня!

Я бросился вон — с такой же скоростью, с какой ворвался сюда тогда с кладбища — передо мной мелькнули провода высоковольтной передачи, я тут же, по человеческой привычке, бросился на них... Мимо! Город подо мной был уже с овчинку, а я все дальше и дальше рвался прочь от этих мест, от этих улиц, в которых при жизни было заключено мое одиночество, — прочь, прочь отсюда, прочь от самой земли! Прочь!

И как это я сразу не смог догадаться, прийдя в сознание после смерти, что, если я до сих пор никого не увидел из мертвых, то и меня никто не видит и не знает!... Оставленный на одного себя, я привык видеть вокруг только одного себя, — и теперь, потеряв его, чувствовал одну только свою душу...

Но, может быть, мне показалось, что это была ее душа? Может быть, никаких душ и нету кроме моей — и я, летящий сейчас все выше и выше, и есть единственная душа этого мира?!

Я стал опускаться вниз. Подо мной пролетал самолет. Я тут же бросился на его винты... Может, и в самом деле меня сейчас разрывало на тысячи кусочков, может, от меня и ничего не оставалось... но я продолжал мыслить, следовательно — существовать...

К тому же — эта невозможность самоубийства... Как хорошо же все-таки хоть что-нибудь иметь, — чтобы, когда нужно, можно было отбросить прочь!.. Я благополучно приземлился вместе с самолетом, покинул остановившийся пропеллер, и вместе с другими пассажирами направился к вокзалу: "Граждане, встречающие

пассажиров рейсом из Иркутска..." Первое отчаяние прошло, я понял бескрайность своего положения - надо было продолжать жить.

Я подошел со всеми к автобусу, но, немного поразмыслив о своем полете к звездам, не стал садиться и сходу сам полетел экспрессом в направлении города, попался под колеса встречных машин.

Домой мне возвращаться не хотелось, я остался в городе и от нечего делать пошел в кино. Всё было привычным, и я, как говорится, зажил полной интересной жизнью: шатался по улицам, заходил в магазины, посещал театры и даже захаживал в ресторан: там я садился за столик и наблюдал чужое веселье - попав под его заразительность и забыв свое кастрированное положение, однажды даже направился к понравившейся женщине пригласить на танец, и долго наблюдал ее равнодушный, пустой взгляд. Наконец, мне надосло без конца ходить по улицам, как при жизни, вспоминаться в чужие лица, лазить женщинам под юбки, - и я решился забраться в чужую квартиру...

И тут-то мне открылся чужой, незнакомый для меня, закрытый мир: никто не приглашал меня раньше в гости, но теперь я мог пренебречь этим обстоятельством и начал изучать весь город... Не было квартиры, в которой я бы не побывал! Я узнал все его тайны, всю его подноготную: ничто не могло укрыться от моего никогда не дремлющего ока. Я видел, как намечаются страшные манипуляции, как изменяют друг другу "верные" супруги, видел, как приготовляются к убийству и как убивают ничего не подозревающую жертву... Весь город у меня был как на ладони - и один только я знал его настоящее лицо! Я опирал его всего до самых пятых этажей, растекался мыслью по телебашне - и свисока оглядывал свои владения. Я присутствовал на всех закрытых заседаниях, проникал в тюрьмы, заходил в всеночные штабы и банки - однажды, ради любопытства заглянул в сейф с золотом, как дверь внезапно закрыли - и я как дурак просидел в нем три месяца... Когда же людское веселье затихало и укладывалось спать, мне ничего не оставалось делать, как висеть над вымершими улицами - как глупой луне, как вынужденному сторожу города.

Иногда я вылетал за город прогуляться: витал над оврагами и стадами баранов, медленно сплыval кусты и деревья. Но стоило мне только захотеть, как какая-то сила срывала меня с места

и несла в сторону города со скоростью автобуса.

Вспоминая с библиотеках и непрочитанных книгах, я не шел туда, ибо сам я читать не мог, а нужные мне книги редко кто брал. Да и что мне сейчас книги! Если теперь я и так знаю всю человеческую комедию! Что си мне, если вся поэзия мира состояла сейчас в том, что я, одинокий и неприкаянный, летаю над одинокой же землей! Искусство – это поиски истины, а конечная истина как раз и состояла в этом, и дальше идти было некуда – внезапная смерть мигом избавила меня от всяких творческих мук, не дав мне, как другим, помучаться вдоволь. Сразу готовый ответ – и никаких напрасных решений...

Я вспоминал и о своей библиотеке – возвращаясь домой и равнодушно смотрел, как растаскиваются мои любимые книги. Я видел, как приезжали какие-то серьезные люди, рылись в моих рукописях, списывали и увозили куда-то к себе – когда кое-что наиболее вразумительное было напечатано, то кричали о каком-то бурятском Кафке...

Иногда я возвращался на свою могилу: в родительский день я усаживался на нее и, как мне казалось, как маленькая белая собачка бросался навстречу всем проходящим – но никто уже не шел на мою могилу... Когда после длительного отсутствия я вернулся еще один раз – то не нашел уже ни могилы, ни самого кладбища...

Осталась одна только земля, и весь ее гигантский шар был для меня теперь моей могилой – и я впервые отправился в путь, чтобы летать над ней...

Я побывал в Ленинграде, поехал в Москве, съездил в Крым, полетал над Кавказом, – со скоростью самолета стремясь от города к городу. Пересек государственную границу и, наконец, вылетел в Европу. Я пролетал над ~~х~~орко охраняемыми границами, чтобы не дай бог, один народ не смешался с другим и не окончилась вечная вражда из-за различия языков и систем: я проносился над людьми, разговаривающими на непонятных языках – но всюду была одна только вечная суeta, и чухая, неизбывная глупость не нуждалась в переводе.

Я прошел все страны и все города. Я присутствовал при всех великих стройках и разрушениях, я наблюдал все войны и револю-

ции - я видел всё и знал всё обо всем! И обретя такое знание, я как бы слился со всем как со своим телом в одно целое: всё окружающее как бы стало моей собственностью - и однажды мне даже показалось, что я и есть Бог - всеведущий и всезнающий...

Но: пролетая над неровными рядами голов и запинаясь о маковки церквей, я с затаенной завистью смотрел на кресты на погостах: монет, лежащие под ними и получили свой рай... А я nowусь сейчас как угорелый - моя звезда мне ничего не сулила.. каждому свое...

Земля со временем мне наскутила, и я сделал попытку перехитрить природу и вырваться в космос, сбежав на космическом корабле. Ракета не поднялась со мной даже в стратосферу: я полетал немного над баракамиющими в воде космонавтами - и ни с чем полетел назад, к людям. В газетах потом писали что-то о диверсии и прочей чепухе...

Всё было очеловеченным, уйти в настоящую пустоту было невозможно - я навсегда был прикован к земле: оставалось опять с головой окунаться в мир человеческих страстей и интересов, чтобы снова вариться в его варенном-переваренном кotle.

Но познание уже исчерпалось: мне больше нечего было знать и видеть, и я устал смотреть на мир. Мне было все равно, что пишут в газетах и кричат по радио: искусство мне было не нужно, а политика и природные катаклизмы меня не касались... Мне уже было безразлично, где я нахожусь и что происходит рядом со мной: глушительные ли взрывы с летящими оторванными конечностями и сором, или нежный шепот лежащих влюбленных, того и гляди могущих затереть меня в новое существо и опять вызвать к рождению... Неуловимыми движениями опустившей поводья воли, меня несло от места к месту. Я был как бы глазом слепого, открытым, но ничего не видящим. Я ничего уже не замечал и ничего не хотел... И это уже была не жизнь...

А впрочем, это ведь и была - смерть.

Улан-Удэ. 1982.-1989.